

Целитель

Автор:

[Антти Туомайнен](#)

Целитель

Антти Туомайнен

Катастрофические изменения климата поставили общество на грань катастрофы... Тоннели метро затоплены, брошенные автомобили горят на улицах, власти предупреждают о подступающих смертоносных эпидемиях. Общественный порядок уже невозможно контролировать, преступники всех мастей творят произвол, тогда как полиция практически бессильна. Люди бегут на север Финляндии и Норвегии, где условия для жизни еще приемлемы. Тапани Лехтинен один из немногих, кто не сдался и все еще хочет жить в Хельсинки. Но за несколько дней до Рождества рухнул и его хрупкий мирок – пропала любимая жена Йоханна, корреспондент центральной газеты. Тапани уверен, что исчезновение Йоханны связано с предметом ее журналистского расследования, преступлениями, за которые ответственен серийный убийца, действующий по политическим мотивам, известный как Целитель. Но никому нет дела до пропавшей женщины. Отчаявшийся Тапани бросается на поиски и вскоре раскрывает тайны из прошлого Йоханны, которые связывают ее с убийцей...

Антти Туомайнен

Целитель

Роман

За два дня до Рождества

Что тяжелее – полная уверенность, что самое худшее уже произошло, или этот страх, который время от времени возникает в тебе?

Я вздрогнул от сильного толчка, отвлекшего меня от лихорадочного бега мыслей, и оглянулся.

Черно-желтое пламя из разбитого грузовика лижет опорный столб пешеходного моста на дороге к побережью Сёрняйнен. Машина как будто переломилась пополам, обняв опору словно пылкий любовник. Ни одна из мчавшихся мимо легковушек даже не сбавляла скорости, не то чтобы остановиться. Все они пролетали, стараясь прижиматься к обочине, держась как можно дальше от горящей машины.

Так же поступил и водитель автобуса, в котором сидел я.

Я расстегнул намокшую от дождя парку, нащупал во внутреннем кармане пакет одноразовых носовых платков и, выудив окоченевшими пальцами один из них, вытер лицо и волосы. Платок моментально стал мокрым. Я скомкал его и опустил в карман. Потом отряхнул капли воды с куртки и достал телефон из кармана джинсов. Еще раз попробовал дозвониться до Йоханны.

Абонент все так же был недоступен.

Подземный туннель между Сёрняйнен и Кейланиеми закрыли из-за наводнения. Мне удалось поездом доехать до Каласатамы, где пришлось в течение двадцати минут ждать автобус под потоками низвергающейся с неба воды.

Когда горящий грузовик остался позади, я вернулся к просмотру новостей на экране монитора, прикрепленного к задней, пуленепробиваемой стенке водительского отсека. Было принято официальное решение предоставить южные районы Испании и Италии собственной участи. Страна Бангладеш, тонувшая в море, была полностью охвачена эпидемией, грозившей распространиться на остальные страны Азии. Спор Индии и Китая вокруг

Гималаев привел к войне между этими странами. Мексиканские наркокартели в ответ на решение закрыть границу между США и Мексикой нанесли ракетные удары по Лос-Анджелесу и Сан-Диего. Пожары в амазонских лесах не удалось погасить даже после того, как по периметру возгорания были вырыты новые каналы.

Продолжаются войны и вооруженные конфликты в странах Евросоюза. Их всего тринадцать, и в основном причиной являются споры за приграничные территории. Количество беженцев из стран планеты с неблагоприятным климатом, по оценочным данным, составляет шестьсот пятьдесят – восемьсот миллионов человек. Предупреждение об опасности пандемии: НЗНЗ, малярия, туберкулез, лихорадка Эбола, чума.

И немного оптимизма в конце выпуска: недавно выбранная «мисс Финляндия» считает, что с приходом весны все в мире должно наладиться.

Я снова скользнул взглядом назад, в дождь, который шел уже несколько месяцев, прекращаясь лишь на короткое время. Как минимум пять приграничных районов, Яткясаари, Каласатама, Руохолахти, Херттониенранта и Марьяниеми, постоянно находились в затопленном состоянии, а многие их жители наконец решились оставить свои дома.

Их жилища недолго будут пустовать. Даже покрытые плесенью от сырости, полузатопленные, они достаточно хороши для того, чтобы стать пристанищем для сотен тысяч беженцев, прибывающих в страну. По вечерам в затопленных прибрежных районах, где отключили электричество, горели огромные костры, на которых готовили еду и возле которых грелись.

На вокзале я вышел из автобуса. Быстрее было бы пройти через парк Кайсаниеми, но я решил идти в обход, по улице Кайвокату. Сил полиции было недостаточно для того, чтобы одновременно следить и за улицами и за парками. Если идти сквозь толпы народа вокруг вокзала, есть шанс избежать неприятностей. Люди в панике покидали город, набивались в переполненные поезда, следующие на север, стараясь прихватить с собой в рюкзаках, сумках и чемоданах все свои пожитки.

Неподвижные фигурки скорчились в спальных мешках под пластиковыми козырьками перед зданием вокзала. Было невозможно понять, собираются ли

эти люди куда-то уезжать или теперь они просто здесь живут. Ослепительный блеск высоких прожекторов смешивался с приглушенным мерцанием ламп на уровне глаз, уличных фонарей, кричаще красной, синей и зеленой подсветкой рекламы.

Черно-серый скелет полусгоревшего здания центрального почтамта высился как раз напротив вокзала. Проходя мимо него, я вновь попытался позвонить Йоханне.

Я вышел к зданию Саноматало, минут пятнадцать простоял в очереди, дожидаясь, пока охрана не разрешит мне войти, снял и снова надел куртку, туфли и ремень, а затем подошел к стойке портье.

Я попросил позвонить боссу Йоханны, которая почему-то не отвечает на звонки. Я встречался с ним несколько раз и сейчас полагал, что он ответит на звонок, если вызов последует изнутри здания. А когда он узнает, кто звонит, позволит мне изложить причину моего приезда.

Портье, женщина лет тридцати с льдистыми глазами, судя по короткой стрижке и скупым жестам, прежде служила в армии, а теперь стояла на страже физического существования последней в стране газеты. Похоже, ее оружие было всегда под рукой. Она смотрела мне в глаза, но как будто говорила с пустым местом.

– Человек по имени Тапани Лехтинен... Я проверила его документы... Да... Одну минуту.

Она кивнула мне, и этот кивок походил на удар топором.

– Какое у вас дело?

– Я не могу дозвониться до своей жены Йоханны Лехтинен.

По ошибке я записал наш телефонный разговор с Йоханной. Теперь я мог воспроизвести его дословно:

- Сегодня я задержусь на работе допоздна, - начала она.

- Насколько допоздна?

- Может быть, на всю ночь.

- Ты будешь на рабочем месте или куда-то поедешь?

- Я уже не на рабочем месте. Со мной фотограф. Не беспокойся. Мы собираемся переговорить с кое-какими людьми. Мы будем держаться мест, где много народу.

Шепот рядом, шум машин, шепот, тихий шорох и снова шепот.

- Ты еще здесь? - спросила она.

- А куда же мне деваться? Я сижу у себя за столом.

Пауза.

- Я горжусь тобой, - сказала Йоханна, - тем, что ты все еще держишься.

- И ты тоже, - парировал я.

- Наверное, - произнесла она вдруг как-то слишком тихо, почти шепотом.

- Я люблю тебя. Береги себя и возвращайся домой.

- Конечно, - прошептала она, и ее слова посыпались вдруг быстро-быстро, почти без паузы: - Увидимся самое позднее завтра. Я люблю тебя.

Бормотание. Треск. Мягкий щелчок.

И тишина...

3

Лицо главного редактора Ласси Утелы, мужчины примерно лет сорока, было покрыто грубой щетиной, а в глазах застыло раздражение, которое он не мог, а может быть, и не хотел скрывать.

Он стоял прямо напротив меня, когда двери лифта распахнулись на пятом этаже. На шефе жены была длинная черная рубашка и тонкий серый свитер, темные джинсы и кроссовки. Он стоял скрестив руки на груди и с явной неохотой сменил эту позу, когда я ступил из кабины лифта в его сторону.

Самыми яркими чертами характера Ласси Утелы можно назвать зависть к более талантливым журналистам, желание избегать конфликтов, привычку сдерживать недовольство, стремление всегда быть правым. Обо всем этом мне было известно со слов Йоханны. Взгляды Йоханны и Ласси на работу репортера и основную тематику газеты все чаще и чаще вступали в противоречие. Отголоски тех столкновений доносились даже до нашего дома.

Мы обменялись долгими рукопожатиями и представились, несмотря на то что знали друг о друге. На какой-то недолгий миг мне показалось, что я играю роль в скверной пьесе. Освободив мою руку, Ласси развернулся и кончиками пальцев толкнул дверь. Я следовал за сердито выбрасывающим ноги Ласси. Казалось, ему не нравилась собственная походка. Мы прошли до конца длинного коридора, где располагался небольшой, площадью всего несколько метров, кабинет.

Ласси сел за свой стол в черное кресло с высокой спинкой и жестом указал мне на единственный в кабинете стул, что-то вроде белой пластиковой банкетки.

– Я думал, что Йоханна сегодня осталась работать дома, – проговорил он.

Я покачал головой:

– Честно говоря, надеялся застать ее здесь.

Теперь наступила его очередь покачать головой. Этот его жест был коротким и нетерпеливым.

- Последний раз я видел Йоханну вчера на совещании всех сотрудников, примерно в шесть часов. Мы, как обычно, коротко обсудили, как идет работа, а потом все разошлись по своим делам.

- Я говорил с Йоханной вчера примерно в девять часов.

- И где она была? - спросил Ласси равнодушно.

- Где-то на выезде, - ответил я после небольшой паузы, позволившей мне снова обрести спокойствие. - Мне и в голову не пришло спросить, где именно.

- То есть целый день от нее не было никаких известий?

Я кивнул, внимательно глядя на него. Он откинулся в кресле. Его поза, выражение лица, паузы между словами - все обнаруживало его мысли о том, что я просто ворую у него время.

- И что вас удивляет? - спросил я, будто не заметив или не поняв язык тела Ласси.

- Просто я интересуюсь, - ответил он, - бывало ли такое прежде.

- Нет. А почему вы спрашиваете?

Ласси выпятил нижнюю губу и поднял брови. Это было похоже на то, будто каждая из его бровей весила по меньшей мере тонну, и теперь он требовал награду за проделанную работу.

- Не важно. Просто в эти дни... может произойти все что угодно.

- Но не с нами, - возразил я. - Это долго объяснять, но с нами ничего такого просто не может произойти.

– Конечно нет, – согласился Ласси, но в его голосе не было убежденности. Он даже не взял на себя за труд посмотреть мне в глаза. – Разумеется, нет.

– Над какой историей она работала?

Ласси ответил не сразу, сперва взвесил свою ручку в руке. Наверное, он так же пытался что-то взвесить и у себя в уме.

– Над чем она работала? – снова спросил я, убедившись, что он не торопится отвечать.

– Наверное, с моей стороны глупо делиться с вами этой информацией, но и сам предмет ее статьи является довольно глупым, – ответил Ласси, упершись локтями в стол, и искоса посмотрел на меня, будто хотел проследить за моей реакцией.

– Понимаю, – согласился я и замер в ожидании.

– Речь идет о Целителе.

Меня передернуло. Йоханна уже рассказывала мне о Целителе.

Она получила первое письмо от него сразу же после убийства семьи в Тапиоле. Некто, назвавшийся Целителем, взял на себя ответственность за то убийство, заявив, что сделал это от имени простых людей, чтобы отомстить за них. Он считал себя последним голосом правды в этом мире, что движется к гибели, целителем, призванным вылечить больную планету. Именно поэтому он и убил главу производственной компании и его семью. Именно поэтому будет продолжать убивать тех, кто, как ему покажется, причастен к ускорению процесса изменения климата. Йоханна предупредила полицию. По их словам, они расследовали все, что смогли. К настоящему времени убито девять руководителей компаний и политиков вместе со своими семьями.

Я тяжело вздохнул. Ласси пожал плечами и показал взглядом, что доволен моей реакцией.

– Я говорил ей, что это ни к чему не приведет, – сказал он, и я не мог не заметить легкого намека на тон победителя в его голосе. – Я говорил, что она не сможет узнать больше, чем уже знает полиция. А наша быстро сокращающаяся читательская аудитория не желает об этом читать. Это ведет к депрессии. Они уже знают, что все катится в ад, в мусорную корзину.

Я посмотрел в темноту в сторону бухты Тёлё. Я знал, что там есть дома, но мне их не было видно.

– Йоханна уже написала свою статью? – спросил я после долгой паузы, во время которой мы прислушивались к себе и к звукам внутри здания.

Ласси снова откинулся в кресле, положил голову на подголовник и посмотрел на меня из-под опущенных век, будто я не сидел напротив узкого стола, а находился где-то очень далеко за горизонтом.

– Почему вы спрашиваете? – поинтересовался он.

– Мы с Йоханной привыкли постоянно быть на связи друг с другом, – пояснил я.

Внезапно до меня дошло, что, когда мы повторяем одно и то же, не всегда делаем это для того, чтобы убедить в чем-то друг друга.

– То есть, конечно, не каждую минуту. Но если нет другой возможности, мы, по крайней мере, обмениваемся эсэмэс или посланиями по электронной почте через каждые несколько часов. Даже если нам нечего друг другу сообщить. Обычно это всего пара слов. Какая-нибудь шутка или нежное признание. У нас это вошло в привычку.

Последнюю фразу я намеренно произнес взволнованным тоном. Ласси слушал меня без всякого выражения на лице.

– И теперь вот уже двадцать четыре часа, как у меня нет от нее известий, – продолжал я и вдруг понял, что адресую свои слова собственному отражению в оконном стекле. – Это самый большой срок за все десять лет, что мы вместе, когда мы не общались.

Я выждал еще немного, прежде чем произнести очередное клише, не думая о том, как оно прозвучит.

– Я уверен, что с ней что-то случилось.

– С ней что-то случилось? – переспросил мой собеседник, подождал несколько секунд все в той же манере, что постепенно становилась мне знакомой. Единственной целью этих намеренных пауз было перебить меня, продемонстрировать, что все, мною сказанное, звучит глупо и бессмысленно.

– Да, – ответил я сухо.

Какое-то время Ласси не отвечал. Потом подался вперед и после очередной паузы проговорил:

– Давайте предположим, что вы правы. Что вы намерены предпринять?

Мне не нужно было даже притворяться, будто я обдумываю ответ. Я немедленно заговорил:

– Нет никакого смысла сообщать о ее исчезновении полиции. Все, что они могут сделать, – это зарегистрировать мое заявление. Исчезновение номер пять тысяч двадцать один.

– Это так, – согласился Ласси. – А двадцать четыре часа не такой уж и большой срок.

Я поднял руку так, будто намеревался физически отмахнуться от его слов. Одних слов тут было недостаточно.

– Как я уже сказал, мы постоянно поддерживали связь друг с другом. Для нас двадцать четыре часа – это очень долго.

Ласси не нужно было очень стараться, чтобы дать выход своему раздражению. Он заговорил громче, и в его голосе явственно послышалась холодная непреклонность.

– Некоторые наши репортеры работают «в поле» неделями. Потом они возвращаются с материалом. Такова их работа.

– Был ли случай, когда Йоханна, находясь в течение недели «в поле», ни разу с вами не связалась?

Ласси внимательно посмотрел мне в глаза, отбил пальцами барабанную дробь на подлокотнике кресла и надулся.

– Признаюсь, что такого не было ни разу.

– Потому что это на нее совсем не похоже, – добавил я.

Ласси заерзал в кресле и быстро заговорил, как будто спешил убедить меня в своей правоте:

– Тапани, все мы здесь пытаемся выпускать газету. Сейчас мы практически не получаем денег за размещение рекламы, а нашим «правилом большого пальца» является тезис, что теперь никто и ничем не интересуется. За исключением, разумеется, секса и порно, а также скандалов и разоблачений, связанных с сексом и порно. Вчера мы впервые продали большое количество экземпляров нашего издания, мы давно уже не продавали столько. И уверяю вас, что мы сделали это не за счет подробных репортажей по поводу тысяч пропавших боеголовки или статей-расследований о том, сколько у нас еще осталось питьевой воды. Обо всем этом публика забудет через полчаса, о чем я уже говорил. Нет, в нашей главной статье рассказывается о некоем видео, где изображено скотство некоей известной певицы. Именно этого и хотят люди! И за это они готовы платить.

Он перевел дыхание и заговорил дальше еще более беспокойным и напряженным голосом, если такое вообще возможно:

– Теперь о репортерах, таких как, например, Йоханна, тех, кто хочет говорить людям правду. А я постоянно спрашиваю их: какую к черту правду? И они ничего не могут толком ответить. Все, что мне удается от них добиться, – это слова о том, что люди должны знать. И тогда я спрашиваю: а хотят ли они знать? И что еще более важно: готовы ли они за это платить?

Когда он закончил, я заметил:

– И тогда вы рассказываете о безголосой певичке и ее жеребце.

Ласси снова посмотрел на меня так, словно парил в каких-то сферах, куда не было доступа таким безнадежным идиотам, как я.

– Мы пытаемся выжить, – проговорил он сухо. Какое-то время мы сидели молча. Потом он снова открыл рот:

– Можно мне спросить вас кое о чем?

Я кивнул в знак согласия.

– Вы все еще пишете стихи?

Я ожидал чего-то подобного. Ласси не мог удержаться от того, чтобы не уколоть меня. В самом этом вопросе уже зрели семена следующего вопроса. Это должно было дать мне понять, что я иду неверным путем, точно так же, как и Йоханна и все остальные. Ну и пусть. Я решил дать ему возможность продолжить наш разговор в том же русле, как он хотел. Я честно ответил:

– Да.

– И когда вас публиковали последний раз?

И снова мне не нужно было задумываться над ответом.

– Четыре года назад.

Ласси больше ничего не говорил, только смотрел на меня покрасневшими довольными глазами, как будто только что доказал правильность собственной теории. Мне больше не хотелось об этом разговаривать. Это было бы пустой тратой времени.

– Где рабочее место Йоханны? – спросил я.

– Зачем вам это нужно?

– Я хотел бы заглянуть в ее компьютер.

– Наверное, я не должен вам этого позволять, – заявил Ласси, и по нему было видно, что его больше ни капли не интересует эта тема. Он бросил безразличный взгляд через стеклянную стену у меня за спиной, на офис, поделенный на множество маленьких кабинок, который находился у него в прямой видимости. – Но я полагаю, что теперь мы делаем много того, чего не должны делать при обычных обстоятельствах. К тому же сейчас в офисе никого нет, так что пожалуйста.

Я поднялся и поблагодарил собеседника, но он уже уткнулся в монитор и, казалось, был полностью поглощен набором текста, как будто долго отсутствовал где-то и успел соскучиться по этому процессу.

Компьютер Йоханны легко обнаружился в кабинке, расположенной в правой части огромного открытого офиса. С монитора на меня смотрела моя собственная фотография.

Что-то как будто толкнуло меня изнутри, когда я увидел старый снимок и представил, как на него смотрит Йоханна. Интересно, она так же видела, как изменился с тех пор взгляд моих глаз, или это замечал только я сам?

Несмотря на большое скопление бумаг, на ее столе царил порядок. Лэптоп моей жены лежал закрытым посреди стола. Я присел и посмотрел вокруг. В офисе находилось примерно дюжина или даже больше рабочих станций, которые сотрудники называли «трилистниками», по четыре рабочих места на станцию. Место Йоханны находилось у окна, отсюда хорошо просматривался кабинет Ласси. Точнее, часть его кабинета: у другой части стеклянной стены были сложены листы картона. Из окна почти не на что было смотреть. Музей искусств «Киасма» с латаной-перелатаной медной крышей был похож на попавший под дождь потерпевший крушение корабль – черное, обветшалое, распластанное по земле здание.

Поверхность стола была прохладной на ощупь, под моей рукой она быстро стала влажной. Я посмотрел сначала на кабинку Ласси, а потом осмотрелся. Помещение было совсем пустым. Я сунул компьютер Йоханны в свой портфель.

На столе было множество сложенных стопками листов бумаги. На некоторых четким мелким почерком Йоханны были записаны телефонные номера.

Я просматривал листки один за другим. Один со сделанной совсем недавно записью привлек к себе внимание: «Ц – запад-восток или север- юг». На двух лежащих по соседству заметках, с обозначенными на них двумя последовательными датами, было написано: «Тапиола, Лауттасаари, Камппи, Кулосаари» и «Туомаринкиль, Пасила, Кумпула, Клууви, Пунавуори».

Очевидно, буква «Ц» обозначала слово «Целитель». Я сунул заметки в карман.

Я бегло просмотрел все бумажные стопки. Большинство листов содержали данные по статьям, уже написанным Йоханной: о якобы готовящемся закрытии атомных электростанций в России, о сокращении поступления налогов в Финляндии, о катастрофическом качестве продуктов.

В одной из стопок содержались только материалы, касающиеся Целителя. Там были и распечатки всех полученных от него электронных сообщений. На распечатках Йоханна делала свои собственные заметки. Их было так много, что порой они закрывали сам текст сообщений. Не читая, я сунул себе в портфель и эти бумаги, потом встал и посмотрел на пустой стол. Он ничем не отличался от миллионов своих собратьев. И все же я ждал от него какой-то подсказки, того, что он вдруг решит поведать мне о случившемся. Я подождал минуту, но стол так и оставался просто столом.

Еще двадцать четыре часа назад здесь сидела Йоханна. Она и сейчас сидела бы здесь, если бы с ней что-то не произошло.

Не знаю почему, но я был уверен в этом. Трудно объяснить наличие особой связи между нами. Я знал, что, если бы могла, моя жена обязательно мне позвонила бы.

Я сделал шаг прочь от стола, не в силах отвести взгляд от ее бумаг, сделанных ее рукой заметок, мелких предметов на столе. Потом я кое о чем вспомнил.

Я вернулся к двери в кабинет Ласси Утелы. Он не обратил на меня внимания, поэтому мне пришлось постучать по ней. Под рукой заскрипел пластик. Меня

поразил этот гулкий пустой звук. Ласси что-то быстро набирал на клавиатуре; и когда он повернулся в мою сторону, его руки повисли в воздухе. Раздражение в его покрасневших глазах ничуть не уменьшилось.

Я спросил, кто из фотографов находился на задании вместе с Йоханной, хотя уже догадывался об этом.

– Громов, – бросил Ласси.

Конечно, я слышал об этом человеке и даже был знаком с ним. Высокий, темноволосый, вежливый. Как считает Йоханна, такие нравятся женщинам. Работа захватывала его целиком, с самого начала. Наверное, он был таким во всем. Йоханне нравился профессионализм Громова, и она любила работать с ним в паре. Они много времени провели вместе, работая как в Финляндии, так и за границей. Если кто-то мог иметь какую-то информацию о Йоханне, то это был Громов.

Я спросил у Ласси, не видел ли он Громова. Ласси тут же понял, что я имею в виду. Он поднял трубку телефона, положил голову на подголовник кресла и задумчиво посмотрел вверх, то ли туда, где находился кондиционер, то ли прямо в небо.

– В этом мире царит чертов бардак, – спокойно заметил он.

4

По дороге домой я вспомнил вопрос Ласси о том, почему до сих пор продолжаю писать. Я не сказал ему того, что действительно думаю об этом. Просто не хотелось. Ласси был не таким человеком, которому хочется доверять свои секреты, да и вообще доверять больше того, что требуется для дела. Но что же я мог сказать, какой причиной объяснить то, что продолжаю заниматься чем-то, не имеющим будущего? Наверное, я сказал бы правду.

Для меня продолжать писать было все равно что продолжать жить. А живу и пишу я не для того, чтобы искать себе читателей. Люди старались выживать изо

дня в день, и им было не до поэзии. Причины того, что я продолжал писать, были сугубо эгоистичными.

Творчество придавало моим дням упорядоченность и смысл. Слова, предложения, короткие строчки – все это делало мою жизнь осмысленной, давало то, что все вокруг меня успели растерять. Творчество означало, что тонкая грань между вчера, сегодня и завтра все еще существует.

По дороге домой я пытался читать записи Йоханны, но не мог ни на чем сосредоточиться из-за звона пивных банок и другого мусора, перекатывающегося по полу автобуса. Их бросили здесь пьяные подростки. Эта публика не представляла никакой опасности для других пассажиров, но все же раздражала. Другое дело – ночные рейсы, особенно те, что проходят без сопровождения охранников.

У станции метро «Херттониemi» я вышел из автобуса. По дороге я обошел довольно большую шайку пьяных скинхедов – десяток наголо бритых скальпов с нанесенными на них татуировками, сияющих под дождем. Затем мне удалось миновать изучавшую витрины магазинов толпу попрошаек. Когда я направился домой, уже совсем стемнело. Я попал как раз в перерыв между поездами. Пронизывающий порывистый ветер, казалось, все никак не мог решить, в какую же сторону ему следует дуть. Он доставал вас то тут, то там, брал в крепкие объятия, играл светом фонарей на стенах домов, отчего казалось, что сами здания качаются в вечерней темноте. Я быстро прошел мимо пункта скорой помощи, который сначала бросили его обитатели, потом постепенно разграбили и, наконец, просто подожгли. Церковь с другой стороны нашей улицы служила убежищем для бездомных, и сегодня, похоже, была заполнена до предела – обычно светлый вестибюль казался серым от множества посетителей. Через несколько минут я уже сворачивал на дорожку к нашему дому.

Крышу здания напротив оторвало во время урагана прошлой осенью. Ее до сих пор не отремонтировали, поэтому окна верхних этажей оставались темными. Скоро то же самое должно будет случиться и с нами и с тысячами людей в других домах. Эти здания не были рассчитаны на то, чтобы выдерживать постоянные ураганные ветры и дожди, длящиеся более полугода. А когда люди поняли, что ветер и дождь пришли сюда надолго, было уже слишком поздно. К тому же ни у кого не было достаточно денег и интереса поддерживать в порядке дом, жизнь в котором перебои с водой и электричеством сделали неприятной, а иногда и почти невозможной.

Замок уличной двери, распознав мою карточку, впустил меня внутрь. Когда не было электричества, мы пользовались классическим старомодным ключом. Эти ключи должны были стать ненужными, кануть в Лету, но, подобно многим реликтам прошлого, они делали то, чего теперь не получалось у сменивших их вещей: они работали.

Я попробовал включить свет на лестничной площадке, но выключатель снова не работал. Добравшись в темноте до второго этажа и используя в качестве поводыря лестничные перила, дошел до нашей двери, открыл сейфовый и обычный замки, отключил сигнализацию и инстинктивно перевел дыхание.

Запах каждого места говорит сам за себя: запах утреннего кофе и духов, аромат хвойного мыла от отстиранного прошлым летом коврика у входа, длинные рождественские каникулы, купленное совместно кресло, каждая ночь, проведенная с любимым человеком... Все это присутствовало в домашнем запахе, и все это было связано воедино в моем сознании, несмотря на то что наш дом тысячи раз проветривался. Запах был настолько родным, что я автоматически собирался выкрикнуть, что снова дома. Но теперь здесь не было того, кому предназначалась эта новость.

Я занес портфель на кухню, вынул оттуда бумаги и компьютер и положил все это на стол. Потом подогрел овощную запеканку, приготовленную Йоханной в выходные, и сел есть. Двумя этажами выше проживал кто-то из фанатов музыки. Звуки были слабыми, но устойчивыми. Они повторялись так часто, что можно было подумать, что так будет продолжаться вечно – ничто и никогда не сможет их остановить.

Все, что я видел на столе, ощущал на вкус, все, происходившее у меня в голове, снова и снова говорило мне: что-то случилось. В горле застрял слишком крупный кусок, я постарался его проглотить и почувствовал, как он протискивается вниз с таким трудом, что мне вдруг пришлось полностью сосредоточиться на дыхании.

Я отставил тарелку и включил компьютер Йоханны. Кухню заполнил мерный гул машины и мягкий свет монитора. Первое, что увидел на экране, было изображение на рабочем столе: я и Йоханна во время медового месяца десять лет назад.

Я снова попытался сглотнуть.

Нас двое на переднем плане, мы моложе на много лет, а над нами синее небо юга Европы, которое, кажется, можно потрогать руками. Сзади – Понте-Веччио во Флоренции, рядом – громада старинной ровной стены дома и позолоченная, трудно различимая в ослепительных солнечных лучах эмблема кафе на берегу реки.

Я смотрел в смеющиеся глаза Йоханны, пытаюсь поймать ее взгляд, направленный прямо вперед, взгляд, отражавший синеву и зелень яркого апрельского дня. Всмотривался в лицо: несколько великоватый рот, ровные белые зубы, наметившиеся тонкие морщинки на лице, короткие вьющиеся волосы, обрамляющие лицо подобно лепесткам весенних цветов.

Я стал открывать папки на рабочем столе компьютера.

В папке с названием «Новое» нашел подкаталог «Ц» и понял, что моя догадка была верной: «Ц» обозначало «Целитель». Тогда я стал просматривать документы. Большинство из них были составленными Йоханной текстовыми файлами, но там присутствовали и видеонюжеты, ссылки и статьи из других газет. Самый последний файл был датирован вчерашним числом. Я открыл его.

Текст был почти закончен. Очевидно, Йоханна собиралась использовать большую часть его в окончательном варианте своей статьи. Вчитываясь, я одновременно вспоминал.

Текст начинался описанием множественного убийства в Тапиоле. Семья из пяти человек была убита ранним утром, а потом некто, использовавший псевдоним Целитель, признался в совершении того убийства. По данным полицейского расследования, последним умер глава семейства, руководитель крупной компании, производившей продукты питания, активно выступавший в защиту предприятий мясоперерабатывающей промышленности. Руки и ноги жертвы были связаны, рот заклеен. Его жена и трое маленьких детей были хладнокровно убиты выстрелами в голову. Последним был убит мужчина, который получил выстрел прямо в середину лба.

Йоханна взяла интервью у следователя полиции, министра внутренних дел и представителя частного охранного агентства. Текст заканчивался пространным

заявлением, с которым Йоханна от имени Целителя обращалась к полиции и всему обществу.

Кроме того, я обнаружил карту Хельсинки, а также составленную Йоханной схему с указанием времени и места совершения каждого убийства, дат получения почтовых сообщений и их содержания. Это все имело отношение к короткой записи на листке бумаги, который я нашел на ее рабочем месте. Я снова взглянул на этот клочок: «запад-восток или север-юг». На карте был ясно виден хронологический порядок совершения убийств, сначала с запада на восток, а потом с севера на юг.

Судя по коротко изложенному Йоханной содержанию почтовых сообщений, они становились все более угрожающими по мере того, как волна убийств достигла южной части города. Тон некоторых сообщений был на удивление фамильярным: в них к Йоханне обращались по имени, хвалили ее за «правдивую и бескомпромиссную» журналистскую работу. Автор, казалось, верил, что моя жена должна понять необходимость принятия им крайних мер.

Предпоследнее послание пришло на следующий день после убийства в Пунавуори. Пострадала семья из четырех человек: глава семьи, владелец обширной дилерской сети по продаже автомобилей, его жена и двое сыновей десяти и двенадцати лет. Все они были найдены мертвыми в собственном доме. Если бы не сообщение, поступившее электронной почтой, это убийство, возможно, могли бы отнести к участвовавшим в последнее время случаям комбинации убийство-самоубийство. Такое теперь происходило чуть ли не каждую неделю. Эта версия подтверждалась тем, что огнестрельное оружие крупного калибра, с помощью которого были совершены все убийства, было обнаружено в руках главы семейства, как будто он сам намеревался облегчить работу полиции.

Но затем пришло сообщение от Целителя. Там был указан адрес – Каптееникату, номер 14, а также настоятельная рекомендация расследовать этот случай более тщательно.

Это и было сделано, после чего выяснилось, что, несмотря на то что оружие находилось в руке мужчины, был некто еще, кто помогал ему наводить пистолет на цель и стрелять. Таким образом, рука и тело бедняги чувствовали каждый выстрел, он видел и слышал, как от пуль, выпущенных из оружия, которое он держит в руке, погибают его собственные дети.

Последнее послание было написано небрежно и явно в спешке. Оно изобиловало грамматическими ошибками и хромало по содержанию. И там уже не пытались обосновать свою правоту в совершении преступлений.

Я встал из-за стола, вышел на балкон и долго стоял там, вдыхая холодный воздух и пытаюсь сбросить невидимый камень с моей души. Камень уменьшился в размерах, но совсем избавиться от него мне не удалось.

Мы переехали в наш дом почти сразу же после свадьбы. Квартира стала настоящим домом в полном смысле этого слова, и мы очень им дорожили. Это было наше общее место в нашем мире – мире, что десять лет назад стал для нас обоим совершенно другим. Конечно, после того, что уже произошло, было бы легко говорить, что давно и явственно стали ощущаться тревожные знаки, что лето становится все более длинным и засушливым, а осень – все более дождливой, со все более свирепыми ветрами. До нас доходили новости о сотнях миллионах людей, скитающихся по миру, о новых экзотических насекомых, что стали появляться в наших дворах, о новых кожных заболеваниях, которые мы ощутили на собственной коже, о малярии, пустынной лихорадке, энцефалите.

Наш дом стоит на высоком холме Херттониemi, и в ясный день из нашей гостиной и с балкона открывался вид на залив и на Арабианранту; теперь все дома этого района оказались затопленными. Как и во всех прочих пострадавших от наводнения районах, здания Арабианранты почти всегда были темными. Туда не решались возобновить подачу электричества, поскольку в плохо отремонтированных домах продолжала стоять вода. Невооруженным глазом с расстояния два с половиной километра я мог различить десятки огней на берегу. Отсюда они выглядели маленькими и безобидными, как только что зажженная спичка, которую в любой момент можно задуть. Но в действительности все было не так. Костры достигали полуметра в диаметре. Люди использовали любые найденные на берегу и в заброшенных домах вещи, которые могли послужить топливом. Ходили слухи, что для этих целей они используют и трупы животных и даже людей.

Странно, но я успел привыкнуть к этим огням. Я уже не могу припомнить, когда языки вечерних костров появились на горизонте впервые и когда они стали ежедневной привычной реальностью.

Еще дальше, за силуэтами зданий на побережье, находились современные башни Пасилы, и отблески яркого света левее подсказывали мне, что здесь располагался центр города. Над всем этим теперь царит мрак, безграничное ночное небо, что держит весь наш мир в своих холодных крепких объятиях.

Я понял, что искал связь между тем, что прочел, и тем, что наблюдаю с балкона.

Йоханна.

Где-то там вдалеке.

Как я заявил Ласси, мне не было никакого смысла идти в полицию. Если у них не было времени и средств для того, чтобы расследовать убийства тех семей, откуда у них возьмется время для пропавшей двадцать четыре часа назад женщины, одной из тысяч пропадающих людей?

Целитель.

Запад-восток или север-юг.

Ночь не собиралась давать мне ответ. Выше раздавались ритмичные удары: музыка. Ветер метался между деревьями на склоне холма внизу, пел свои песни среди голых веток, и на какой-то момент я задумался, что сильнее: этот искусственный шум, создаваемый придуманной человеком машиной, или разбушевавшаяся стихия? Холод цементного пола балкона заставил меня вернуться назад в тепло.

Я вновь сел за кухонный стол, еще раз перечитал все документы Йоханны, посвященные Целителю, сделал себе кофе и снова попытался дозвониться до жены. Для меня уже не было удивительным то, что мне это не удалось. Я не удивился и волне паники и отчаяния, которая начала подниматься в моем измотанном беспокойством сознании.

Я мог быть уверенным только в одном: Йоханна исчезла после того, как стала вести рабочее расследование чего-то, связанного с человеком по прозвищу Целитель.

Я отогнал все прочие мысли, допил свой кофе и перечитал распечатки электронных посланий Целителя в порядке поступления. Прочитав, я рассортировал их в две стопки. В первую я положил сообщения, в которых обосновывалась и защищалась необходимость совершения преступлений. Иногда они были достаточно длинными, и в них упоминались предыдущие статьи Йоханны. Иногда там проходило подтекстом, что работа моей жены сродни работе, которую выполняет Целитель, – разоблачать ложь и нести освобождение. Во второй стопке лежали сообщения, в которых прямо указывалось, где находятся жертвы убийства; такие послания состояли всего лишь из нескольких наспех и небрежно написанных строчек.

Я снова пролистал обе стопки и пришел к тому же заключению, что успел уже сделать раньше. Послания были написаны двумя авторами. По крайней мере, теоретически так могло быть. Во всяком случае, я так полагал.

Потом я снова открыл составленную Йоханной карту. Я проследил за красными точками, обозначавшими убийства, просмотрел даты и цифры, проставленные женой. Между совершением убийств было по два-три дня. У каждой из четырех сторон света Йоханна поставила знак вопроса и попробовала вычислить возможные места, где будет совершено следующее преступление.

Пока я вглядывался в карту, мое внимание привлекла иконка, обозначающая почтовую программу. Я заколебался. Читать чью-то электронную переписку, несомненно, было неприлично. Но, может быть, мое положение было исключением. К тому же у нас не было секретов друг от друга, не так ли? Я решил, что открою почту только в том случае, если при сложившихся обстоятельствах это станет абсолютно необходимым. А пока будет достаточно, если я сосредоточусь на статье, над которой в последнее время работала моя супруга.

Я вспомнил о телефонном звонке, который записал, включил свой компьютер и подключил к нему телефон.

Скопировал себе в компьютер последний разговор с Йоханной, потратил минуту на поиск нужной программы, скачал ее и открыл с ее помощью аудиофайл. Программа-редактор аудиозаписей была очень простой в использовании. Я отделил звуки друг от друга, удалил голоса, свой и Йоханны, и стал прислушиваться. Мне был слышен шум машин, какой-то гул и тот самый звук бормотания, который я уже слышал прежде.

Я вслушивался в него снова и снова, потом отделил от него гул и звуки проезжающих машин, после чего стало возможным прослушать это странное бормотание отдельно. С надеждой я прослушивал что-то, повторявшееся через регулярный интервал, и это не было ветром или шуршанием, которое издают при трении рукава пальто. Это было что-то гораздо более ритмичное: а именно волны. Я снова воспроизвел файл и прослушал его с закрытыми глазами, стараясь одновременно и слушать и запоминать.

Был ли это на самом деле звук волн, или я просто убедил себя слышать именно то, что хотел услышать?

Я поставил файл на непрерывное воспроизведение, а сам стал вглядываться в карту и расчеты Йоханны. Принимая во внимание то, что убийства совершались с периодичностью не более чем два-три дня, точки, обозначенные отдельно и сопровождавшиеся знаками вопроса и данными расчетов, отслеживавших места совершения преступлений Целителя с севера на юг, пусть это и было лишь грубым предположением, должны были находиться где-то возле Яткясаари, на юго-западном побережье города.

Вероятно, Йоханна пришла к тому же выводу, именно из этого района она звонила мне, когда мы разговаривали с ней последний раз.

5

Водитель такси, молодой уроженец севера Африки, не говорил на финском языке и не желал включать счетчик. Это устраивало меня. Мы договорились о цене, пользуясь отчасти английским языком, отчасти жестами, и счетчик в темноте салона машины так и остался мигать на четырех нулях, когда мы на большой скорости рванули от моей квартиры по Хиихтомяенте, миновали станцию метро, проехали мимо торгового центра через развязку в сторону Итявяйля. Таксист старался избегать дыр и трещин на дорожном полотне. При этом он настолько увлекся, что заставлял встречные машины увертываться от нас в опасной близости; им приходилось уходить в сторону на собственной полосе движения.

Находящиеся в прибрежном районе Кулосаари дома, за небольшим исключением, были первыми оставлены владельцами и теперь приняли новых жильцов. Те, кто мог себе это позволить, уехали в Северную Канаду, остальные – в финскую, шведскую и норвежскую Лапландию. В последние годы на арктическом побережье и внутри континента успели возникнуть десятки небольших, отлично охраняемых частных городков с собственными запасами питьевой воды, автономной системой канализации и электричеством. И конечно же там нашли свое применение сотни охранников в униформе, задачей которых стало держать подальше от территории поселений нежелательных пришельцев.

Теперь же большинство тех, кто проживал в домах Кулосаари, были беженцами с востока и юга. Вдоль побережья выстроились ряды палаток, горело множество костров. Сосуществование между беженцами и некоторыми упрямыми из прежнего коренного населения, стремившимися защитить свои дома и побережье, не всегда было мирным. Наверняка Целитель имел свое собственное мнение и на этот счет.

Пока мы ехали, я просмотрел видеонюжники из папки Йоханны, обозначенной «Ц». Чем свежее они были, тем более раздраженными становились вопросы репортеров и тем более усталыми и виноватыми выглядели представители полиции, отвечавшие на них. Все слова красноглазого инспектора полиции, ответственного за расследования, в конце концов сводились к единственной фразе: «Мы будем продолжать расследование и, как только получим новую информацию, сразу же поставим вас в известность». Я переписал его имя с экрана к себе на мобильный телефон: старший инспектор Харри Яатинен.

Я снова откинулся на сиденье.

Когда я понял, что с Йоханной что-то случилось? Когда проснулся в четыре часа утра от лая собаки? Или когда спустя два часа варил себе кофе, после того как окончательно решил, что теперь мне будет легче встать, чем снова попытаться заснуть? Или сомнения успели перерасти в страх уже днем, когда я механически пытался работать, каждую минуту проверяя свой телефон?

Молодой таксист хорошо знал свое дело – он знал, где дороги были свободны, и мы ехали по ним без задержек. Когда мы добрались до Питкясилты, остановились на перекрестке рядом с огромным внедорожником с открытым задним окном. Я быстро насчитал внутри машины восемь молодых людей – их ничего не выражающие взгляды были устремлены вперед. По татуированным

шеям я определил, что все они были членами бандитской группировки и, возможно, имели при себе оружие. Когда джип снова влился в транспортный поток, ни один из пассажиров не изменил выражения лица.

В парке Кайсаниеми был пожар. Судя по высоте пламени, горела машина. Высокий столб огня казался признаком вакханалии в обычно темном парке. На углу Вильхонкату и Миконкату я услышал выстрелы и увидел, как трое мужчин убегали в сторону парка. Они исчезли, прежде чем улеглось эхо от выстрелов. Люди пинали мужчину, который лежал бесчувственно перед зданием зоологического музея. Потом кто-то, наверное лидер банды, стал тащить этого человека, ухватившись за его грязную одежду, в сторону входа в туннель метро. Возможно, он хотел сбросить его вниз, на полотно.

Через двадцать минут мы прибыли в Темппелиаукио. Через узкую щель в плексигласовом окошке я сунул водителю купюру и вышел из машины.

Величественное здание собора Темппелиаукио было разрушено; все, что от него осталось, походило на высившиеся на вершине горы руины старинного каменного замка. Остатки стен отбрасывали длинные тени на шоссе в Лютеринкату. В желтоватом свете уличных фонарей тени выглядели черными, как смола, как будто кто-то выкрасил здесь землю. Кто-то выдернул знак, запрещающий парковку, с обочины и водрузил его прямо посреди улицы. Знак выглядел так, будто запрещал вообще любое действие.

В Тёлё вечер был таким же холодным, как и у нас дома в Херттониеми, но совсем не таким тихим. Там и здесь слышались звуки проезжающих машин, рев клаксонов, финский рок, крики людей, иногда даже смех. Короткие женские смешки посреди ночи звучали особенно беззаботно, и более странных звуков я давно уже не слышал.

Ахти и Эллина Каллио были нашими с Йоханной друзьями. Нас когда-то свели вместе Йоханна и Эллина. Но, как выяснилось, Эллина ничего не знала о том, что могло произойти с Йоханной.

Я стоял у них в прихожей, сняв промокшую от дождя куртку и туфли, и слушал, как Эллина и Ахти по очереди задают мне вопросы:

– Где же она может быть, как ты думаешь?

– Она что, так ни разу тебе не позвонила?

– И никто не знает, где она?

Наконец Ахти задал мне вопрос, на который я знал ответ.

– Да, я с удовольствием выпью кофе. Спасибо.

Ахти исчез на кухне, а мы с Эллиной прошли в зал, где два торшера в противоположных углах и одна настольная лампа на темном деревянном столе посреди комнаты, на мой взгляд, недостаточно освещали помещение. Почему-то в тот момент я почувствовал, что мне сейчас была бы нужна несколько другая атмосфера – больше света и больше ярких красок.

Я сел на диван, Элина устроилась в кресле напротив меня. Она накинула на колени светло-коричневую шерстяную шаль, не расправляя, но и не складывая ее, лежавшую у нее на ногах будто живое существо, замершее в ожидании. Я рассказал Эллине в общих чертах все то, что знал сам: Йоханна вот уже двадцать четыре часа не подает о себе вестей. Кроме того, я не могу найти и ее фотографа. Я также рассказал и то, о чем Йоханна собиралась написать.

– Йоханна обязательно позвонила бы, – проговорила Элина, как только я закончил. Она произнесла это так тихо, что мне пришлось мысленно повторить фразу.

Я кивнул и посмотрел на вошедшего в комнату Ахти. Это был невысокий крепкий мужчина, юрист по коммерческим сделкам, педантичный до комичного, но способный в некоторых ситуациях удивить вас. Мне пришла в голову одна мысль, и, обдумывая ее, я успел увидеть в синих пронизательных глазах Ахти тень неуверенности, которая, впрочем, сразу же исчезла.

Он быстро посмотрел на меня, а потом бросил на Эллину долгий многозначительный взгляд. Они обменивались взглядами бесконечно долго, а затем почти в унисон повернулись в мою сторону. Из карих глаз Эллины, казалось, были готовы пролиться слезы. Прежде мне никогда не приходилось видеть ее плачущей, но почему-то сейчас я не удивился. Возможно, слишком уютная обстановка комнаты сулила мне вскоре и другие сюрпризы.

- Мы должны были рассказать тебе об этом раньше, - заявил Ахти.

Он стоял, засунув руки в карманы, позади кресла Эллины. На лице женщины блестели слезы.

- О чем? - уточнил я.

Эллина быстро вытирала слезы, которые продолжали капать из глаз.

- Мы уезжаем, - сказала она, - поедem на север.

- Нам удалось снять там на год квартиру в одном небольшом городке, - продолжал Ахти.

- На год? - спросил я. - А что будет, когда этот год пройдет?

Глаза Эллины снова наполнились слезами. Ахти погладил ее по голове. Глаза обоих блуждали по комнате и не могли закрепиться взглядом на чем-то одном. Наверное, кто-то, более склонный к паранойе, решил бы, что они оба пытаются что-то скрыть, но что было им скрывать?

- Мы не знаем, - наконец проговорил Ахти. - Но вряд ли может быть что-то хуже, чем жить здесь. Я потерял работу шесть месяцев назад. А у Эллины нет постоянной работы преподавателя вот уже примерно два года.

- Ты никогда не говорил об этом, - тихо заметил я.

- Мы не хотели, потому что думали, что все должно наладиться.

Какое-то время мы сидели молча. В комнате запахло свежим кофе. И не один я заметил это.

- Пойду посмотрю, не кипит ли кофе, - сказал Ахти с явным облегчением.

Эллина вытерла слезы рукавом хлопчатобумажной рубашки.

– Мы действительно верили, что как-то выкрутимся, – снова произнесла она таким тихим голосом, что мне пришлось наклониться в ее сторону, чтобы разобрать слова, которые срывались с ее губ, – что найдется какое-то решение, что все, что сейчас с нами происходит, – это какой-то ужасный неожиданно наступивший кризис, который пройдет сам собой, и жизнь снова станет такой, как прежде.

Я так и не понял, говорит ли она о себе или об общем положении в мире, но, наверное, это было не так уж и важно.

Вернулся Ахти с кофейником в руках. Его движения были, как всегда, точными и выверенными, когда он наливал кофе в разрисованные цветочками чашки, напоминавшие о лучших, навсегда прошедших временах.

– Вы уже продали это? – спросил я, сделав жест рукой, обозначающий их жилье.

Ахти отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он тихо.

– Скажи ему правду, Ахти, – потребовала Эллина, снова вытирая рукавом рубашки две-три слезинки, которые катились у нее по щекам.

Ахти присел с другой стороны дивана и поднял свою чашку с кофе, очевидно собираясь с мыслями, прежде чем заговорить.

– Кто его у нас купит? – спросил он, выпрямившись. – В крыше дыры, в подвале – вода, повсюду влага, крысы и тараканы. Постоянно пропадает электричество, да и вода тоже. Город на пороге катастрофы. Ни у кого не осталось денег, а у кого они есть, никогда не переедут сюда. Никто не делает сюда инвестиций, а если бы желающие и нашлись, зачем платить квартирную плату, если можно поселиться где-то бесплатно? И кто теперь все еще верит, что когда-нибудь все изменится к лучшему?

Эллина, прекратив плакать, смотрела прямо перед собой. Ее глаза высохли и покраснели.

– Мы верили, – проговорила она тихим голосом, глядя на Ахти.

– Да, мы верили, но это было так давно, – поправил ее муж.

Я не знал, что на это сказать. Я пил кофе и смотрел на поднимающийся над чашкой пар, согревая руки теплом посуды.

– Йоханна обязательно вернется, – вдруг сказала Эллина, отвлекая меня от моих мыслей.

Я посмотрел сначала на нее, потом на Ахти. Он кивал вслед за ее словами, будто подтверждая то, что говорила его жена, и остановился только тогда, когда заметил, что я наблюдаю за ним. Он перестал кивать так быстро, будто резко нажал на педаль тормоза. Я не позволил, чтобы та печать неуверенности, которую снова увидел в его глазах, овладела мной. Но я знал, что если не спрошу сейчас об этом, то буду долго жалеть.

– Ахти, ты сказал, что у вас кончились деньги. Я мог бы немного помочь вам деньгами и одновременно купить у вас кое-что.

На секунду он заколебался. Было видно, что он подыскивает слова.

– Не знаю, что у нас есть такого, что могло бы...

– Иногда ты ходил пострелять, – заметил я.

Он посмотрел на меня удивленно. Потом бросил взгляд на Эллину, которая, продолжая сидеть молча, кивнула. Ахти подался вперед.

– Почему бы и нет? – проговорил он, поднимаясь. – Мне больше не нужны оба пистолета, достаточно будет одного. И сомневаюсь, что кто-то сдаст меня полиции, если я продам тебе оружие.

Я прошел за ним в спальню. В комнате все было перевернуто вверх дном. Перед дверью стояли большие, почти полные матерчатые сумки. На спинке кровати и двух стульях висела одежда. Вещи были сложены и на полу около сумок. Ахти обошел кровать, остановился перед стоявшим отдельно шкафом из темного

дерева с выдвижными ящиками и отпер его дверку ключом. В шкафу лежали два револьвера, небольшая винтовка и два пистолета.

– Выбирай себе инструмент, – сказал Ахти, указывая то на один, то на другой пистолет. В его движениях появилось что-то, напоминающее поведение продавца, в данных обстоятельствах выглядевшее нелепо. –
Девятимиллиметровый «Хеклер и Кох Ю-Эс-Пи» или «Глок-17», тоже девятимиллиметровый.

Потом он указал на лежащий сверху револьвер, но теперь уже в нем ничего не осталось от продавца. Он выглядел как человек, принявший решение.

– «Смит-и-вессон» останется у меня.

Я забрал тот из пистолетов, что лежал поближе, «хеклер-и-кох».

– Это хорошая игрушка. Изготовлено в Германии, давно, когда в Германии еще что-то делали.

Пистолет оказался на удивление легким.

– Шестьсот шестьдесят семь грамм, – заявил Ахти, прежде чем я успел задать вопрос. – В обойме восемнадцать патронов.

Он достал с нижней полки коробку. Там что-то звякнуло, когда он потянул ее вверх.

– Ты, конечно, можешь забрать и их. Пятьдесят выстрелов.

Я посмотрел на коробку и на пистолет в моей руке. Оба этих предмета казались абсолютно чужеродными в обычной спальне. Я почувствовал, что мне нужно поторопиться, пока я не передумал.

– У тебя есть какой-нибудь рюкзак или сумка? – спросил я.

В одной из куч наваленных в беспорядке вещей он нашел небольшой черный рюкзачок. Его безобидный внешний вид являл шокирующий контраст с

предполагаемым содержимым.

- Это бесплатно. Пока я могу себе это позволить.

Я отдал ему деньги, и он, не считая и не глядя на меня, положил их себе в карман. Я снова посмотрел на пистолет в своей правой руке и коробку патронов в левой. Ахти заметил мою беспомощность.

- Я научу тебя, - засмеялся он и забрал у меня оружие.

Быстрым отточенным движением он отсоединил магазин и набил его патронами из коробки, а затем вернул на место. Казалось, здесь Ахти был в своей стихии.

- Готово, - проговорил он. - Вот это предохранитель, а это - спусковой крючок. Не наводи ни на кого, если не собираешься стрелять. Впрочем, теперь, наверное, это не важно.

Ахти попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. Она застыла у него на губах, и на лице появилось беспомощное выражение. Впрочем, Ахти и сам это понял.

- Кофе остывает, - быстро проговорил он. - Пойдем скорее его пить.

Я подумал о том, как быстро все меняется. Как много времени прошло с тех пор, как мы проводили время за совместными ужинами, пили вино, обсуждали планы на будущее. Мы собирались путешествовать, я намеревался писать книги, Йоханна мечтала, что ее статьи станут самыми лучшими, а Ахти подумывал открыть собственную юридическую фирму. И, разумеется, он мечтал о том, как будет жить его с Эллиной семья.

Изменения пришли в нашу жизнь постепенно, но теперь все вдруг внезапно, одним резким скачком приблизилось к общей большой катастрофе.

Эллина сидела в своем кресле, не прикасаясь к кофе. Я упал на диван и попытался придумать, что бы такого подходящего можно было сказать. Это было нелегко, потому что мне хотелось говорить только об одном. Ахти почувствовал это.

– Надеюсь, ты найдешь Йоханну, – проговорил он.

Я понял, что это было моей единственной надеждой в этом мире. Я ясно понимал, и эта ясность проникала в меня, как холод или жара, снова и снова заставляя меня вспоминать все то хорошее, что я могу потерять. В горле вырос комок. Мне нужно было выбираться из этого дома.

– Надеюсь, что вам понравится на севере, – сказал я. – Желая, чтобы все там сложилось для вас удачно. Уверен, что так и будет. Год – это очень долго. Вы найдете работу, заработаете денег. Все будет хорошо.

В моих словах чего-то не хватало. Но не хватало не только слов. Я чувствовал, что все мы понимаем это и, прежде всего, чувствуем это. Я не знал, что еще мог сказать, поэтому, не глядя ни на кого из них, поднялся с дивана.

– Эллина, Йоханна позвонит тебе как только сможет.

Я вышел в прихожую. Ахти проводил меня. Он стоял в самом темном углу, будто специально. Послышались шаги Эллины по деревянному полу, и вот она уже тоже стоит передо мной со слезами на глазах. Она подошла ближе и обняла меня.

– Скажи Йоханне, что все будет хорошо, – произнесла она, все еще не выпуская меня из объятий. – И скажи, что мы никогда не хотели причинить ей вред.

Я не понял, что она хотела этим сказать, но мне не хотелось задерживаться, поэтому я не стал переспрашивать.

6

Дождь усилился. Он падал с неба широкими полосами толстых тяжелых капель, ударялся об асфальт и расплескивался, будто в приступе гнева, делая окружающий город сверкающе-черным и мокрым. В его запахе ощущалась какая-то горечь, почти вызывающая чувство тошноты. Я постоял минуту в подъездной арке, решая про себя, куда направиться дальше, и думая о том, где

я и куда иду. Было девять тридцать, я потерял жену и выпил бог знает сколько чашек черного кофе. Вряд ли теперь мне удастся заснуть.

Там, откуда раньше доносился смех, теперь слышались звуки драки, звон выбитого стекла, а там, где недавно звучал женский смех, теперь раздавался тот же женский голос, только теперь дама вопила, выкрикивая слова брани и протеста. Я натянул капюшон парки, потрогал рукой ремни кобуры и направился прочь.

Глядя вперед, я чувствовал, как капли дождя холодят кожу. Я повернул на Фредрикинкату и через несколько шагов услышал, как дважды прозвучал рев автомобильного клаксона. Звуки шли с противоположной стороны улицы. Я немного опустил капюшон, чтобы видеть, кто сигналит. Оказалось, что это был тот самый молодой африканец, что вез меня от моего дома.

Такси стояло в центре темного квартала, не выключая двигателя, и я справедливо решил, что внутри будет гораздо теплее и суше, чем здесь, в переулке. Через несколько секунд я уже прочно утвердился на заднем сиденье и давал инструкции водителю отвезти меня на этот раз на юг.

У этого человека было имя Хамид и своя история. Он приехал в Финляндию полгода назад. Почему он решил дожидаться меня? Потому что я был платежеспособным клиентом. Я не мог упрекнуть его за это. Мало кто был готов работать бесплатно.

Хамиду нравилось в Финляндии. По крайней мере, здесь хоть как-то можно было жить. Он даже подумывал о том, чтобы завести здесь семью.

Я прислушивался к его быстрой речи на ломаном английском и рассматривал его в профиль. Узкое лицо оливково-коричневого цвета, беспокойные миндалевидные глаза, отражающиеся в зеркале заднего вида, проворные руки на рулевом колесе. Потом я снова посмотрел на мелькающие за окном мерцающие огни своего родного города, затопленные улицы, омываемые дождем, в лужах, размером с небольшой пруд, выбитые окна и сорванные с петель двери домов, черные остовы сожженных машин и людей, бродивших по лужам. То, что казалось мне концом мира, для Хамида означало надежду.

Мы доехали до конца Лённротинкату, пересекли прибрежное шоссе и выехали на Яткясаари.

Теперь Хамид вел машину медленно. Он замолчал и включил стереосистему. То, что полилось из динамиков, глухие удары с резким изменением ритма, напоминало смесь хип-хопа и североафриканских мотивов. Над всем этим реял мужской голос, ритмично выкрикивающий, наверное, по тысяче слов в минуту на незнакомом языке.

Когда Хамид спросил, куда дальше, я скомандовал ехать прямо. Я не знал, что делать. Я снова открыл в своем телефоне документы Йоханны и быстро пробежал по ее заметкам. Потом открыл звуковой файл, тот самый, из которого удалил свои с Йоханной голоса, и попросил Хамида подключить телефон к динамикам машины. Он сказал, что за это придется платить дополнительно. Я согласился. Водитель потребовал аванс. Я отдал ему телефон и немного денег. Он широко улыбнулся, сложил купюру, положил ее в карман и только после этого воткнул в разъем стереосистемы провод телефона.

Выкрикивающий по тысяче слов в минуту певец умолк, вместо него возник все тот же неясный шум.

Хамид с любопытством посмотрел на меня, как будто заново оценивая.

Я кивнул: именно это мне и хотелось прослушать.

Мы проехали до конца дороги. Впереди справа был мост на Лауттасаари, а налево – темнота, за которой угадывались многоквартирные дома. Хамид снова спросил, куда ехать дальше. Я указал на закрытое прибрежное кафе с парковкой позади.

Внутри кафе царил темнота, зато снаружи оно было освещено. Огромные квадратные окна были целыми и чисто вымытыми, перед зданием почти не было мусора. Как будто всего за пятнадцать минут мы въехали в совершенно иной мир.

Я сказал Хамиду, что это хорошее место, и попросил его заглушить мотор, чтобы можно было послушать запись. Затем я протянул ему вторую купюру. Он выключил двигатель, и теперь салон машины наполнился все теми же звуками,

исчезающими в темноте. Я открыл окно и попросил водителя постепенно убавить звук.

Один всплеск затихал, тут же сменяясь другим.

«Может быть».

Всего лишь «может быть»?

Или точно «может быть»?

Возможно, именно отсюда Йоханна звонила мне.

Я попросил Хамида подождать, забрал телефон и выбрался из машины. Ветер с моря сразу же принялся трепать мои волосы и одежду. Он хватал и рвал их, будто намеревался отхватить от меня кусок побольше. Здесь, около берега, его объятия были мокрыми без всякого дождя.

Я натянул капюшон и приложил телефон к уху, защищая от дождя, и снова включил запись тех звуков. Медленно шагая вдоль берега к северу, я прибавлял и снова убавлял звук. Мой взгляд был прикован к шести-, семи- и восьмиэтажным многоквартирным зданиям на самом берегу. Я пытался взвесить и свести воедино множество не связанных между собой вещей: последний телефонный звонок Йоханны, звуки, которые, скорее всего, были шумом ветра и волн, координаты Целителя, которые пыталась отыскать моя жена, и свои инстинкт и надежду. Полагаясь на все это, я продолжал вышагивать вдоль дождливого берега под ветром. Мои ноги в туфлях промокли насквозь и ныли от холода. Я все еще не понимал, с чего начать.

Как оказалось, дома вдоль побережья находились в неожиданно хорошем состоянии: во многих квартирах горел свет, и всему этому великолепию можно было найти по крайней мере два объяснения. Во-первых, мы находились на побережье, в часто затапливаемом и поэтому приспособленном к затоплениям районе. Во-вторых, здесь жили состоятельные люди. Хотя во многих аналогичных случаях жители таких домов давно должны были отправиться куда-нибудь на север, пережидая там, пока взамен нынешним несчастным дням снова придет период благополучия.

К вертикально возвышающемуся холму была приделана стальная лестница. Я поднялся по ступеням наверх, на небольшую площадку, окруженную стальным ограждением высотой примерно по пояс. Там я обнаружил пару бинокляров, обращенных в сторону моря, и навел один из них на воду. Наверное, в солнечный день с помощью оптики можно было бы смотреть далеко в сторону горизонта. Сейчас же мне ничего не было видно.

Я развернулся. Прибрежное кафе находилось примерно в двух сотнях метров отсюда и примерно в пятидесяти метрах от ближайшего жилого дома. Я отвел телефон от уха и прислушался.

Резкий соленый запах морской воды и ритмичные звуки волн, бившихся о берег, успокаивали, несмотря на ветер и дождь.

Я спустился по лестнице и направился обратно в сторону ждущего меня такси.

Когда находился на полдороге, примерно в ста метрах от скалы и в ста метрах от машины, я неожиданно попал в луч света и, остановившись, услышал тяжелые шаги.

Я увидел перед собой двоих мужчин, держащих в руках мощные яркие фонари, которые, казалось, они подняли к самым плечам. Мужчины ничего не говорили. И я тоже молчал. Говорили только море и ветер, стараясь перекричать друг друга. Ни один из мужчин не сдвинулся с места. Они стояли передо мной, один справа, второй слева. Наверное, они специально так остановились, достаточно далеко от фонарей друг друга, чтобы не слепить напарника лучом. Сейчас оба луча света скрестились там, где стоял я.

Ослепительный луч заставил меня опустить голову. Я не заметил дубинки, пока она не ударила меня слева, в районе почек.

Я упал на землю и пытался вдохнуть воздух, парализованный застигшей меня врасплох болью.

- Что вы здесь делаете? - услышал я голос над собой.

Я попытался сказать, что не хотел никому причинять вред, что просто прогуливался. Но прежде, чем заговорил, я почувствовал, как мне в живот врезался окованный сталью носок армейского ботинка. Из легких тут же исчезли последние капли кислорода. Слепящие лучи фонарей, слегка вращаясь, продолжали держать меня в перекрестье.

- Зачем ты здесь болтаешься?

- Тебе что, заняться нечем?

- Нам здесь не нужны никакие чертовы беженцы.

Я снова попытался что-то ответить, но изо рта выделялась только слюна; я просто не в силах был выговорить хоть слово.

- Попрошайка.

Пинок по ребрам.

- Неудачник.

Удар дубинкой по правой почке.

- Доходяга.

Удар ногой в пах.

Мне ничего не было видно. Я мог только слышать слова, в которых сквозила ненависть, и перевернулся на живот. Последовал еще один удар по спине.

- Тебе повезло, что сегодня здесь больше нет никого из наших.

- Ты еще легко отделался.

- Мы могли бы просто прикончить тебя.

Послышался смех. Дубинка ударила меня в левое ухо. Стало горячо, и я сразу же оглох. Новый взрыв хохота.

И потом я услышал третий голос, принадлежащий молодому мужчине, который выкрикнул по-английски:

- Назад, или я буду стрелять.

Лучи фонарей исчезли.

- Теперь пошли отсюда. Уходите, или пристрелю.

Снова слышались тяжелые шаги, на этот раз удаляющиеся.

- Идите-идите.

Раздались более легкие шаги, которые приближались ко мне. Чьи-то руки схватили меня за куртку, рванули вверх.

- Вставайте.

Я попытался встать, но это было не так просто.

- Идите в машину.

Я куда-то провалился, сначала сел, потом рухнул ничком. Позади меня что-то хлопнуло. Мир вокруг качался, я перевернулся на спину, потом на бок, ударившись обо что-то лбом.

- Теперь давайте убираться отсюда.

Я все понял. Конечно, я был внутри машины. В такси Хамида.

- Они чуть вас не убили.

Я снова перевернулся на живот, потом наклонил голову. Меня стошнило прямо на пол.

- Черт. Теперь нам действительно лучше поторопиться.

Я изо всех сил старался не потерять сознание. Я даже попытался держаться за дверную ручку и попробовал открыть глаза. Но у меня ничего из этого не получалось.

- Мы будем на месте через пятнадцать минут, всего через пятнадцать минут.

Пятнадцать минут. И что дальше?

7

Я держал в объятиях Йоханну, вдыхал аромат ее шеи, целовал теплые губы. Она коротко рассмеялась, отстранилась и заглянула мне в глаза. Я собирался что-то сказать, но она снова оказалась в моих руках и положила голову мне на грудь. Я гладил ее волосы, пропуская их сквозь пальцы, а другой рукой обнимал ее за шею сзади. От ее волос шел тонкий, легкий, ни с чем не сравнимый аромат.

На кончиках пальцев я чувствовал места на ее теле, где находились мышцы, чувствительные участки, где, казалось, была сосредоточена сама жизнь. Йоханна подняла руку, я снова заглянул ей в глаза и увидел в них зеленые отражения. Я притянул ее ближе и прижал к себе. Она была маленькой и податливой, такой, какой всегда бывала по утрам. Йоханна выключила будильник и придвинулась, положив руку мне на грудь, прижалась лбом к моей щеке и почти успела снова заснуть, проговорив перед этим какую-то милую ласковую глупость.

Я держал ее так крепко, будто знал, что если отпущу, то навсегда потеряю. Я вдыхал запах ее волос, стараясь запомнить его. Она дышала ровно, вокруг нас была тишина, мы были в безопасности и принадлежали только друг другу.

Потом Йоханна дернулась, как это иногда с ней бывало, когда она засыпала. Кто-то стал тянуть ее от меня. Я прижимал ее к себе теснее, но тот, другой, был сильнее и упрямее. Я боролся за нее. Не хотел ее отпускать. Пытался увидеть ее лицо, но она лежала лицом вниз. Мои руки разжались, и кто-то неизвестный наконец завладел ею, Йоханна выскользнула из моих объятий и пропала в темноте. Когда она исчезла совсем и вместо нее рядом со мной не осталось ничего, кроме пустоты, я почувствовал леденящий холод. Я дрожал, и мои руки пытались обнять пустоту.

Свет вокруг вдруг стал ярко-красным – это загорелась мерцающая неоновая надпись за тонкой занавеской. Я попробовал прочитать ее несколько раз слева направо, пока вдруг не понял, что смотрю на зеркальное отражение букв. Наконец мне удалось прочитать слово наоборот, справа налево: кебаб-пицца. Я поднес руку к левому уху, которое ныло, и почувствовал ткань повязки, закрепленной с помощью клейкой ленты. Я лежал всем своим весом на правой руке, которая совершенно онемела. Я вытащил ее из-под себя, потрогал поверхность своего ложа и сел.

Это было что-то вроде служебного помещения или склада. Во рту я чувствовал вкус крови и какого-то металла. Я посидел на месте, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, затем осторожно поднял онемевшую руку. Каждый вдох отдавался болью в спине.

По другую сторону занавески послышался разговор на незнакомом мне языке, первый голос был мужским, второй – женским. Я вспомнил свой сон и ощутил чувство паники, потом вынул из кармана телефон. Экран был темным. Аппарат либо разбился от удара дубинкой, либо просто села батарея. Приступ паники усилился.

Я попытался встать, но не смог удержаться на ногах и рухнул обратно, туда, на чем сидел.

Мой взгляд зафиксировался на тексте, написанном красными буквами за занавеской. На этот раз мне сразу же удалось правильно прочитать его. Какое-то время я сидел и просто дышал, пока не пришла уверенность, что головокружение не повторится. Серый бетон помещения, картонные коробки и бутылки у стены, пластиковые ящики с безалкогольными напитками у двери, некоторые полные, другие пустые, и кресло с небрежно брошенным на нем рюкзаком, который мне вручил Ахти, расположенное всего в двух метрах от

меня.

Я опять попытался встать. После предыдущей попытки я был умнее и воспользовался стеной для опоры. Подняв рюкзак, я сел в кресло. Пистолет оказался в руке, рюкзак упал на пол.

Голоса за занавеской ненадолго замолкли.

Я держал пистолет на коленях, когда занавеску кто-то отодвинул. Несмотря на отблески красного цвета позади неизвестного, отчего его лицо оставалось в темноте, а вокруг головы образовалось что-то вроде нимба, я узнал Хамида. Очертания фигуры молодого человека казались какими-то расплывчатыми.

- Не волнуйтесь, - проговорил он.

Я покачал головой, открыл рот и попытался пошевелить языком, но не смог выдать из себя ни одного звука.

- Воды, - наконец выдохнул я.

Через мгновение занавеска полностью сдвинулась в сторону. В помещение вошла женщина с кувшином воды в одной руке и стаканом в другой. Она наполнила стакан, поставила кувшин на пол и протянула воду мне.

Я пил так, будто впервые в жизни попробовал на вкус воду. Половина ее пролилась мне на грудь, еще часть я, поперхнувшись, разбрызгал на пол. Мне нужно было заново учиться глотать. Со вторым стаканом мне удалось справиться лучше, и на этот раз женщине не пришлось отклоняться, чтобы не угодить под фонтан воды.

Ей было примерно лет тридцать, она была кареглазой, с более светлой, чем у Хамида, кожей. На спину женщине падала тяжелая копна длинных черных волос, которые она собрала сзади в узел, в ушах блестели массивные серебряные серьги. На женщине были темные джинсы, теплая хлопчатобумажная рубашка с капюшоном желтоватого цвета и белоснежный передник.

Она протянула мне рюкзак.

- Это моя двоюродная сестра, - кивнул Хамид в ее направлении.

Он подошел ближе и указал на мое ухо:

- Она знает, что делать.

Я потрогал бумажный тампон и ленту. Со стороны этого уха мир состоял из шуршащих и скрежещущих звуков. Ухо не болело, поэтому, наверное, самым умным с моей стороны будет поблагодарить за помощь, подумал я. О чем и сказал Хамиду.

- Да, - сказал он, улыбнувшись, - они почти уделали вас.

Женщина тоже улыбалась. Попытался улыбнуться и я.

- Спасибо, - сказал я ей сначала по-фински, потом по-английски.

- Я говорю по-фински, - заявила она, - все в порядке.

- Тапани, - представился я, протягивая ей руку.

- Нина.

Ее рука была теплой и узкой, она полностью утонула в моей, и я задержал ее дольше, чем того требовало простое рукопожатие. Податливая женская рука сразу же напомнила мне о жене, рука которой была такой же изящной и красивой. Мой мозг наполнился воспоминаниями, и в каждом из них я прикасался к Йоханне: на ночной улице, когда мы возвращались домой из кино; под столом на надоедливой вечеринке, где никто не мог этого заметить; ранним летним утром, когда я провожал ее на работу.

Нина заметила мою заминку.

- Простите, - извинился я.

В разговор вмешался Хамид:

– У вас какие-то проблемы.

Он был недалек от истины, поэтому я кивнул.

– Вы можете рассказать об этом?

– Почему бы и нет? – согласился я. Но с условием, что он расскажет мне, где я нахожусь.

– Мы в Каллио, – сообщил он.

Я рассказал ему, что у меня пропала жена и мне пришлось отправиться на ее поиски. Что пистолет мой, и я заплачу Хамиду за то, что он вернул мне его. Все время, что я говорил, он не спускал с меня внимательного взгляда.

Нина поднялась со стула, вышла в пиццерию и вернулась назад с небольшой сумочкой. Она достала оттуда и протянула мне упаковку обезболивающего лекарства.

– Спасибо, – поблагодарил я, вытащив две таблетки, которые проглотил, запив водой.

Потом Хамид тоже вышел в пиццерию, чем-то там позвенел и вернулся с чашкой и сахарницей в руках:

– Чай. И много сахара.

Чай был темным, как кофе, обжигающе горячим и таким сладким, что казалось, он застрекает в зубах. Несколькими глотками я опустошил и чашку. Я почувствовал, как горячая жидкость попадает мне в горло, а оттуда – в желудок.

Покончив с чаем, я поднялся и немного постоял на месте. Сделав несколько нетвердых шагов, я вышел в зал пиццерии. Зал был размером с небольшой кабинет. Половину его занимала открыто расположенная кухня и прилавок буфета вдоль одной из стен. На другой половине стояли в ряд три небольших

столика. Стулья вокруг столиков были пусты и, казалось, ждали, когда кто-то войдет и займет их. На стене висел телевизор; шла передача об очередном пожаре.

- Это местный канал новостей? - спросил я.

Нина покачала головой.

- Это страна, откуда мы родом, - пояснил Хамид.

Я снова посмотрел на пожар. Он ничем не отличался от прочих.

- Извините, - сказал я Хамиду.

- И вы меня, - ответил он.

Нина взяла с прилавка пульт и сменила канал. Информационная станция Хельсинки в непрерывном режиме передавала новости столицы. Я попросил женщину найти последний выпуск новостей.

Потом я вынул свой телефон и попросил зарядное устройство. Хамид щелкнул разъемом зарядки и положил телефон за стойку.

Я сидел на одном из стульев и смотрел на часы на стене. Было двадцать минут второго. Меня тошнило, в теле чувствовалась слабость. В голову одна за другой приходили разные мысли, но я не хотел им следовать. Большинство моих дум вертелось вокруг Йоханны, и даже простая мысль о том, что с ней может случиться нечто, подобное тому, что произошло со мной, причинила мне гораздо большую боль, чем полученные побои.

В местных новостях не было ничего такого, что можно было как-то связать с моей женой. Выросло количество вооруженных грабежей, теперь они часто случались в дневное время даже в районе центра. Прошлым вечером загорелся небоскреб центральной башни Пасилы. Возникла очередная пробка на дороге от границы с Россией. Были и хорошие новости: из туннелей метро удалось откачать воду, и теперь метро возобновило работу. Кроме того, в метро увеличено количество вооруженных охранников.

Но ничто из этого не могло мне помочь.

Хамид присел за столик с другой стороны.

– Я знаю, все еще наладится, – попробовал он меня утешить, когда, оторвавшись от телевизора, я посмотрел на него.

Я немного постоял рядом с пиццерией, вдыхая ночной прозрачный воздух, чувствуя, как он проходит мне в горло, и глядя на замерзшие силуэты деревьев за библиотекой, молчаливо дожидавшихся прихода весны, тепла и новой жизни. Сейчас же была зима в самом разгаре, середина ночи, искрившаяся каплями дождя. Дождь стекал и с крон деревьев. Земля под деревьями тоже заоченела от холода, и так будет еще много месяцев, но деревья это не слишком волновало, они не приходили в ярость и никого не обвиняли в своих неприятностях. Меня отвлек от созерцания всего этого Хамид, который выехал на своем такси из-за угла здания и остановился рядом со мной.

В такси я снова включил телефон. От Йоханны не было никаких новостей. Я вынул бумажный носовой платок и вытер мочку уха. Рана снова открылась после того, как я вымыл лицо. Через несколько секунд платок стал красным. Я вынул новый и приложил его к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tuomaynen_antti/celitel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)